

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

Рамиль Миргасимович Валеев

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Сборник статей к 70-летию Рамиля
Миргасимовича Валеева

Издательство Арт-Экспресс
Санкт-Петербург — Казань
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П 42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН

Научное издание

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор исторических наук Р. А. Набиев
Кандидат философских наук Т. В. Ермакова

Поворот на Восток. Сб. статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича
Валеева / Сост. Т. А. Пан. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс, 2025. — 564 с., илл.

ISBN 978-5-4391-1035-3
DOI: 10.48612/IVRRAN/ke4v-9zxe-f3u6

Сборник посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева — историка, преподавателя, крупнейшего в Татарстане специалиста по истории российского востоковедения, архивов и книжных собраний. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные истории китаистики, маньчжуроведения, истории Ближнего и Среднего Востока, музейных и книжных коллекций, биографиям и переписке известных ученых, связанных с востоковедением в Казани. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, касающиеся истории, культуры и науки Татарстана.

Сборник рассчитан на всех интересующихся достижениями отечественного востоковедения.

© ИВР РАН, 2025

© КФУ, 2025

ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2025

© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-4391-1035-3

© Издательство «Арт-Экспресс», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление	7
<i>Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова.</i> Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии	19
Библиография научных и учебных работ профессора Р.М.Валеева. . . .	48
<i>В.Г. Дацышен.</i> Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения	139
<i>Tatiana A. Pang.</i> The Manchu Studies in Russia in the 18 th –19 th Centuries	172
<i>Ю.Г. Благодар.</i> Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.)	197
<i>И.В. Кульганек.</i> Три труда О.М. Ковалевского по монгольской филологии	218
<i>В.Л. Успенский.</i> О.М. Ковалевский о католичестве в Китае	230
<i>Д.А. Носов.</i> Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг.	243
<i>Гульджан Иналджик, Окан Ешилот.</i> Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.)	253
<i>Hartmut Walravens.</i> Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klaproth (1782–1835)	264
<i>И.Ф. Попова.</i> Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания	273
<i>Н.А. Самойлов.</i> Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в.	290
<i>М.А. Козинцев.</i> К оценке научного наследия И.Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б.М. Данцига	302
<i>Д.Е. Мартынов.</i> Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия	331
<i>Л.А. Сыченкова.</i> Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б.А. Денике	350

<i>И.В. Герасимов.</i> Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН	379
<i>А.А. Арсланова, Н.Б. Пазина.</i> Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.)	392
<i>Ю.И. Дробышев.</i> Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина	421
<i>А.Ш. Кадырбаев.</i> Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия	439
<i>Б.Л. Хамидуллин.</i> Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв.	462
<i>И.Л. Кызласов.</i> Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы)	490
<i>С.А. Французов.</i> Персидские глоссы у ад-Дйнаварй	522
<i>Н.Н. Дьяков.</i> Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962)	529
<i>С.А. Кириллина, В.Е. Смирнов.</i> Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы	545
Список авторов	559

И. Л. Кызласов

Институт археологии РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/uu3t-mk6h-npkk

ВЫДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ДЛЯ МАНИХЕЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И ХРАМОВ (НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СЕДЬМОЙ СТРОКИ СУДЖИНСКОЙ СТЕЛЫ)

Редко какой иной университет так ясно помнит, столь глубоко воспринимает и справедливо превозносит былые труды своих выдающихся основоположников, как это делает ныне Казанский университет. В области гуманитарных наук он во многом обязан этому трудам своего профессора Рамиля Миргасимовича Валеева.

Занимаясь сибирскими древностями, думается, уместно почтить юбилей Рамиля Миргасимовича статьёй о том, когда и на каких землях основывались раннесредневековые учебные заведения тюркоязычных народов задолго до прихода к ним европейских университетов, в далекую эпоху рунического письма¹. Твердо датированные ее памятники ныне известны с VIII по рубеж XI и XII вв.

Аннотация. Всякая письменность родилась внутри религии и сохранялась обученным жречеством, т.е. были школы. Неизвестно, какая религия изначально владела руническим письмом, но такая древняя религия была. Неведома вера, давшая орхонское письмо II Тюркскому и Уйгурскому каганатам VIII в. Но на Енисее манихейство применило местные енисейские руны, а они соединили книжность городских храмов с эпиграфикой горных культов. Слияние дало северное, сибирско-тюркское манихейство, широко разошедшееся с Енисея. В Южной Сибири и Центральной Азии енисейские руны в IX–X вв. образуют две зоны: одну — на Среднем и Верхнем Ени-

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

сее, другую — на Алтае и в Монголии, т.е. письмена выявляют два крупных образовательных центра. Видимо, один был в открытом археологами в Хакасии Уйбатском храмово-монастырском городе, второй действовал в Северо-Западной Монголии. Из этих «рунических университетов» миссионеры разносили енисейскую грамотность. В эпитафии из Суджи (Е 47), вероучитель назван манихейским термином *мар*, подтверждая бытность самого манихейства и его государственного статуса. Речь идет о закладке князем монастыря на 100 человек. Во 2-ой пол. 1950-х гг. группировка видов тамг на енисейских эпитафиях Тувы показала их изменчивость по поколениям и лично-семейную принадлежность. Выделились 6 фамильных уделов, бывших во власти 6–7 поколений прямых потомков. Прототипы тамг происходили из Хакасии. Расклад тамошних лично-семейных тамг IX–X вв. также показал 6 наследственных наделов. Уйбатский город был в одном из них, лежавшем от тайги до самого Енисея. Но стел, подобных тюркским и уйгурским владыкам, не было создано в честь Кыргыз-кагана. Енисейские тамги не позволяют установить, в чьих землях возник и четыре-пять веков существовал Уйбатский храмовый центр. Все же манихейские монастыри и храмы, бывшие вокруг них поселки и города, различались по статусу. Хотя княжеские и государственные владения именовались общим словом *эль*, их положение отличалось. Надпись из Суджи говорит, что земли под монастыри отводились безвозмездно.

Образование в эпоху рунического письма

Хорошо известно, что для любого древнего и средневекового общества письменность была даром божьим, доступным лишь посвященным, т.е. сферой религиозной жизни. Всякая письменность родилась внутри религии и существовала благодаря осознанной культовой деятельности специально обученного жречества. Науке пока неизвестно, какая религия издревле владела руническим письмом (а значит, имела Писание). Но такая древняя религия в Южной Сибири была. Именно сфера ее исконного обрядового применения, надписи поминального культа, сохранили наиболее архаичные формы письменных

документов, нашедшие отражения в облике енисейских эпиграфических стел².

Распространение грамотности среди мирян — аристократов и простолюдинов, — наблюдаемое в эпоху рунического письма³, проводилось не ради светской образованности и праздного использования, а в целях объединения духовенства и паствы единой религиозностью, общностью верований и обрядов.

Вполне понятно, что письменности не бывает без школ, и что в Древности и в Средневековье эти школы были присущи религиозной сфере общества. Религиозная принадлежность раннего орхонского письма Второго Тюркского и Уйгурского каганатов начала и середины VIII в. остается неизвестной. Иная историко-культурная ситуация отличает обширную область енисейской руники. Достигнув Енисея, манихейство включило в свою религиозную практику уже существовавшую к тому времени местную руническую письменность⁴. Вместе с нею был естественным образом воспринят весь основной комплекс традиционного мировосприятия, тесно связанного с почитанием памятников седой старины — будь то писаницы на скалах или стоявшие в долинах изваяния и менгиры. Енисейские руны соединили книжную природу городских храмов с культовой эпиграфикой горных культов. Именно взаимопроникновение

² Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 1. С. 75–83 (далее: Кызласов И.Л. МРИТ-II); он же. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 2 (далее: Кызласов И.Л. МРИТ-III).

³ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999. № 4 (далее: Кызласов И.Л. МРИТ-IV).

⁴ Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М.: Изд. центр ИСАА МГУ, 1999; он же. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура М.: Вост. лит. РАН, 2001.

новой философской доктрины и традиционных местных верований сформировало новое религиозное направление — северное, сибирско-тюркское манихейство, широко распространившееся как в Центральной, так и в Средней Азии и Казахстане.

Манихейская книжность несла не только мировоззренческую доктрину, но и историю собственного вероучения, начиная с биографии и деяний пророка Мани. Руническая енисейская письменность также отражала (не могла не отражать) свою концепцию постижения мира, выраженную в присущих ей еще доманихейских сакральных текстах. Это была философия понимания и объяснения окружающего мира, включавшая непротиворечивое восприятие как природных ландшафтных, так и всех древних рукотворных памятников, ставших деталью местного обитаемого пространства. Иными словами в древнехакасском обществе до прихода манихейства уже существовала собственная сакральная история. Основные черты этой сакральной истории, были восприняты пришлой философией, и привели к включению местных древностей в сохраняемое ею наследие⁵.

Многочисленные примеры показывают исключительно молитвенное или религиозно назидательное содержание таких лаконичных наскальных начертаний. В надписях постоянно присутствует мотив греховности писавшего, его самоуничтожения перед богом⁶. Тюркоязычные манихеи, молившиеся у скал и оставившие в знак этого краткие камнеписные строки, нередко указывали не только свои титулованные, но и простонародные имена⁷. В этом проявлялось осознание равенства людей перед богом. По этой причине и столь же часто приверженцы религии Света оставались в своих надписях безымянными. Вероятно, существовала уверенность, что бог знает каждого, кто к нему обращается.

⁵ Кызласов И. Л. Енисейская руническая письменность и своеобразие северного, сибирско-тюркского манихейства // РТ. 2022. № 3–4.

⁶ Кызласов И. Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири...; он же. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М.: Гуманитарий, 2003.

⁷ Кызласов И. Л. МРИТ-IV. С. 100–103.

Палеографическая работа ныне выделяет в Южной Сибири и Центральной Азии⁸ две большие зоны тюркоязычной манихейской культуры, с середины VIII в. признавшей своим священным письмом енисейские руны. В IX–X вв. одна из них, занимая земли Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин, была связана с классической енисейской письменностью, автохтонной для долины Среднего Енисея. Другая включала в свой состав Горный Алтай, Северо-Западную и Центральную Монголию. В ней на почве вытесняемого младшего орхонского письма сложился алтайский вариант енисейской письменности. Тем самым, эпиграфические памятники выявляют былое существование двух крупных образовательных центров, обучавших енисейскому руническому письму, изводы которого несколько отличались друг от друга. Надо думать, что первый из них, связанный с применением классической енисейской письменности, находился в открытом археологами Уйбатском храмово-монастырском городе, несколько веков существовавшем на землях современной Хакасии⁹. Область алтайского варианта енисейского рунического письма, наследовала уйгурскому манихейскому центру, ранее применявшему младшее орхонское письмо и действующему в Северо-Западной Монголии, точное местонахождение которого остается неизвестным полевой археологии.

Возведенные из сырцового кирпича монументальные храмы и монастырские постройки отличали религиозный комплекс на Среднем Енисее. Былые монастыри Горного Алтая, не имеющие ныне внешних признаков, т.е. возведенные из более легких и тленных, вероятно, древесных материалов, обнаруживаются по

⁸ Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на постоянных естественных рубежах водоразделов, а не на изменчивых во времени историко-культурных показателях западноевропейской терминологии.

⁹ Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8. История. 1998. № 3; Кызласов И.Л. Возникновение и формирование Уйбатского города (Хакасия). Градообразующая роль храмов VIII — начала XIII вв. // КСИА. 2019. Вып. 256.

скоплениям характерно начертанных наскальных молитвенных надписей¹⁰.

На протяжении четырех–пяти веков (по крайней мере, со второй половины VIII по XI в. включительно), т.е. при жизни 16–18 поколений, непрерывно получаемое в подобных центрах руническое образование было довольно высоким. Особенности правописания, своеобразно нарушающие самобытные рунические нормы, указывают на то, что нередко древнетюркским литературным языком и руническим письмом овладевали уже грамотные люди, первоначально усвоившие орфографию письменности иной природы. О том свидетельствуют не только относительно поздние учебные алфавитные записи младшего орхонского письма уйгурского извода, обнаруженные в пещерных монастырях урочища Тойок в Турфанском оазисе, в которых значение рун поясняли пометки манихейской письменностью¹¹. Такое вторичное миссионерское образование проявляют сопровождающие классическую орфографию два иных типа енисейского правописания — полногласная и псевдоруническая орфография¹².

Из двух таких «рунических университетов» и порождаемых ими манихейских монастырей расходились в IX–X вв. и, вероятно, позднее миссионеры. Они разносили енисейскую грамотность не только по близлежащим и дальним урочищам Южной Сибири

¹⁰ Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. I...; он же. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. М.: Русаки, 2004; он же. Наскальные надписи на Чарыше // РТ. 2023. № 1–2.

¹¹ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит. РАН, 1994. С. 105–142.

¹² Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. М.: Языки русской культуры, 1996; он же. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1997. T. L., fasc. 1–3; он же. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М.: Изд. центр ИСАА МГУ, 1999.

и Центральной Азии¹³, но и по далеким землям современного Кыргызстана, южного и западного Казахстана. Сибирские руны и их обрядовое применение оказали сильное воздействие на местную письменную культуру. Палеографические, содержательные и орфографические особенности камнеписных строк региона позволяют определить даже те манихейские церковно-административные епархии, в которых писавшими было ранее получено руническое образование. Так, формульные и палеографические особенности енисейских надписей Средней Азии дают основание связывать его с долинами Среднего и Верхнего Енисея. Таласские письма, с точки зрения палеографии, можно формально считать локальным вариантом енисейского письма, как это делается для его алтайского и тувинского вариантов, сохранивших в составе алфавита местные письменные знаки предшествующего времени. Орфография же таласских памятников прямо отражает новый этап той характерной традиции разделения слов, которая проявляется в енисейских наскальных надписях только Горного Алтая и Северо-Западной Монголии¹⁴. Как и сугубо археологические данные, последнее обстоятельство не позволяет относить таласское письмо ко времени ранее X в.

Основание манихейских монастырей князьями

В исторической науке существуют специальные исследования как об условиях раннего формирования монашеских общин в Древней Руси, основателями которых обычно выступали князья и бояре, так и о вопросе, передавались ли монастырям личные земельные владения князей-Рюриковичей и времени появления

¹³ Кызласов И.Л. «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж: Воронежский гос. университет, 2001.

¹⁴ Кызласов И.Л. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов Междунар. научно-практического семинара. Алматы: Service Press, 2012.

хакасского рода противопоставлен здесь поверженному в 840 г. династийному уйгурскому роду Яглакар¹⁸.

В названной части надписи речь от первого лица идет о закладке на принадлежавших вельможному князю землях монастыря для сотни подвижников: ➤ И [ʏ] ʁ : ʁ > ʏ > ʁ : ʏ ʁ 9 : ʏ ➤ ʏ ➤ : m(a)r(i)ma: jüz (e)r: turuy: b(e)[r]t(i)m «Моему вероучителю (~ мару, наставнику в вере) я даровал прибежище на сто человек»¹⁹. Среди ряда предположений провидческую мысль об этом высказал еще Г. Й. Рамстедт²⁰: «...дал своему “учителю” или “религиозному

¹⁸ В ранней истории тюркских народов была исключительно велика роль аристократического рода. В каганатах народа тюрков (551–745 гг.) правителями были лишь представители рода Ашина, у древних уйгуров (745–840 гг.) — лишь рода Яглакар, в Древнехакасском государстве (VI в. — 1293 г.) — только рода Кыргыз. Институт одного аристократического рода принципиально отличался от пофамильно сменяемой династийной традиции Запада и Востока, и потому не понимался ни китайскими учеными древности, ни современной европейской и российской наукой. Между тем, он был широко известен и Восточной Европе: в IX–XII вв. власть на Руси передавалась внутри одного-единственного аристократического рода — в каждом городе правил лишь князь из Рюриковичей. В жизни народного имени выделяются три последовательных этапа: древний этноним — политоним — новый этноним. На стадии политонима (в условиях многоплеменного государства, называемого по имени правящего народа) бывший этноним нередко становится наименованием другого народа, с иным историческим прошлым, а часто — и с другим языком. Перестав быть наименованием народности со времен гуннского нашествия на Саяно-Алтай и смешения пришлых кыргызов-тяньгуней с аборигенами-динлинами, имя кыргызов превратилось в политоним (*Кызласов И.Л.* Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI–XII вв. // *Народы Азии и Африки*. 1968. № 4; *он же*. История Южной Сибири в средние века... С. 52–68), перешло на ряд других народов (например, кыргызов Тянь-Шаня), стало символом степной аристократии и для многих средневековых авторов, включая отписки царских воевод XVII в., было обозначением всей сибирской страны.

¹⁹ *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири... С. 244.

²⁰ *Ramstedt G. J.* Zwei uigurische runeninschriften... S. 7.

настоятелю” <...> сто мужчин и место проживания <...>, чтобы устроить общую или церковную школу...».

Во всем ясная фраза Суджинской надписи позволяет понять: манихейские монастыри в конце IX в. возникали на княжеских землях.

Удельная система землепользования

Во второй половине 1950-х гг. постижение графических основ всех типов тамговых знаков, высеченных при енисейских эпитафиях середины IX — конца X вв. на Верхнем Енисее, и выявление законов их графической изменчивости по поколениям привели к пониманию лично-семейной принадлежности местных аристократических символов²¹ (рис. 1). Этим были заложены основы как для относительной датировки конкретных письменных памятников, связанных с известными событиями местной политической истории, так и начала построения енисейской палеографии.

Картографирование материала позволило выделить шесть крупных княжеских владений Тувинской котловины (рис. 2, 3).

Тем самым, был ясно показан приход на эти земли удельного централизованного правления, который произошел в IX в. в результате освобождения этой территории от Уйгурского каганата и включения ее в Древнехакасское государство. В середине XX в. выделение в Туве шести уделов (ᲛᲗ Თ баг енисейских надписей) породило мнение, что «каждый баг был передан хакасским каганом в качестве феодального надела во владение семье одного из хакасских военачальников-бегов, очевидно, из числа наиболее отличившихся в многолетней войне с уйгурами. <...> Стоявшие во главе бага крупные феодалы имели различные титулы, определявшие их должностным положением в системе каганата. Все шесть багов были объединены и названы в надписях “народом

²¹ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3; он же. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3; он же. О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии. Абакан, 1979.

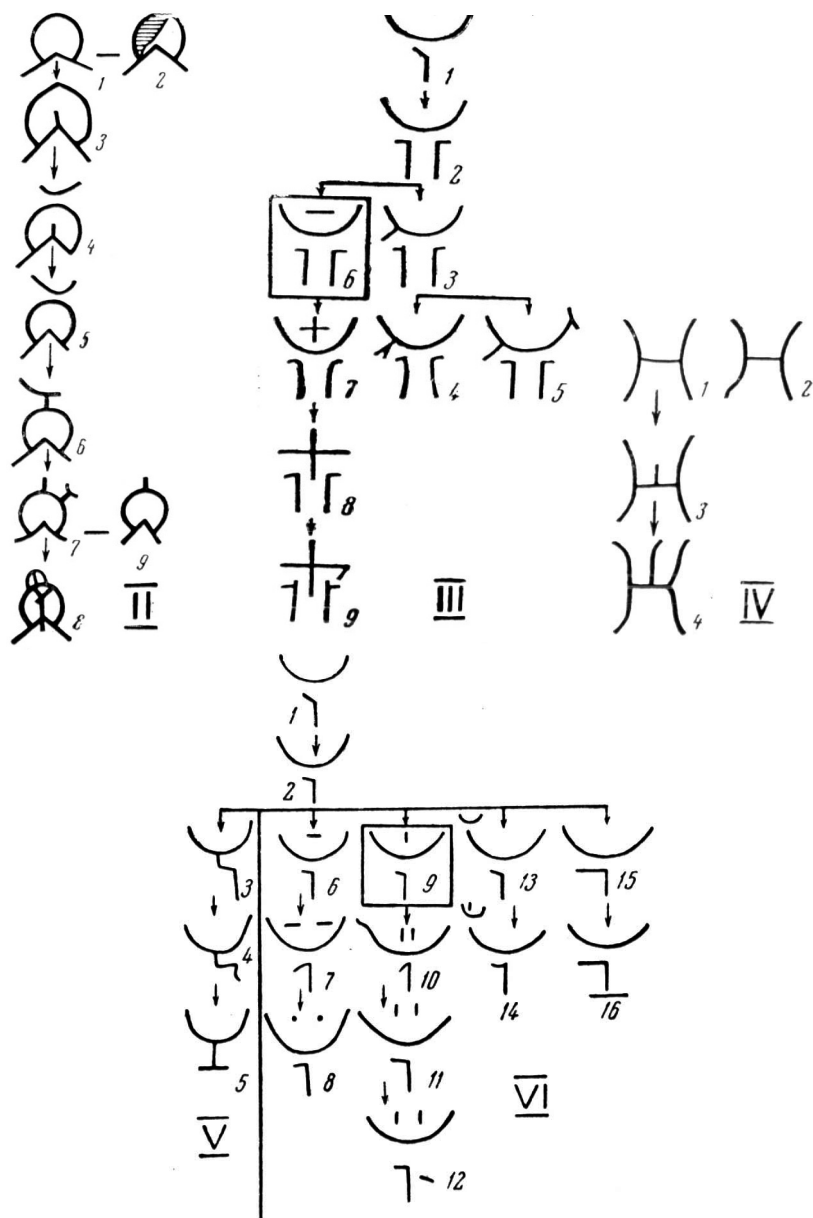

Рис. 1. Тувинская котловина. Таблицы древнехакасских лично-семейных тамг IX-X вв. II-V групп (по Л.Р. Кызласов 1965)

шести багов»²², а вся Тувинская котловина именовалась тогда alti bay kešdim «шестиудельной (страной) Кешдим»²³.

Судя по совокупности эпиграфических данных, во всех этих фамильных уделах на протяжении 6–7 поколений властвовали прямые потомки получивших их князей²⁴ (рис. 1–3). Верхушка общества высоко ставила личную наследственную принадлежность к правящей знати, удостоверявшуюся обладанием лично-семейными тамговыми знаками. Тем самым, существование в Древнехакасском государстве наследственного княжеского землевладения установлено со всей определенностью и сомнения вызывать не может.

К тамгам так называемой I группы принадлежал и не так давно выявленный герб Суджинской надписи в Монголии. В твердо выполнявшейся на енисейских эпитафиях последовательности крупно начертанная у основания тамга была выбита прежде самой надписи²⁵ и затем целиком покрыта плотными строками рунического текста. Так она стала незаметной для многочисленных исследователей, поначалу не знавших, а потом не учитывавших закономерностей енисейской эпитафийной традиции²⁶

²² Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности... С. 114, 117; он же. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Московского университета, 1969. С. 123.

²³ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков... С. 44, Е 25, 5; Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей... С. 194.

²⁴ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности...; он же. О датировке памятников енисейской письменности...; он же. История Тувы в средние века... С. 122, 123.

²⁵ Кызласов И.Л. Порядок создания енисейских эпитафий // КСИА. 2023. Вып. 273.

²⁶ Другой случай перекрывания тамги одной из строк текста также зафиксирован лишь в прорисовке археологов: см. Элегест III (Тува, Е 53) и остался незамеченным рунологами, историками и филологами, даже после публикации рисунка Л.А. Евтюховой (Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 68, 72, рис. 21), неоднократного указания

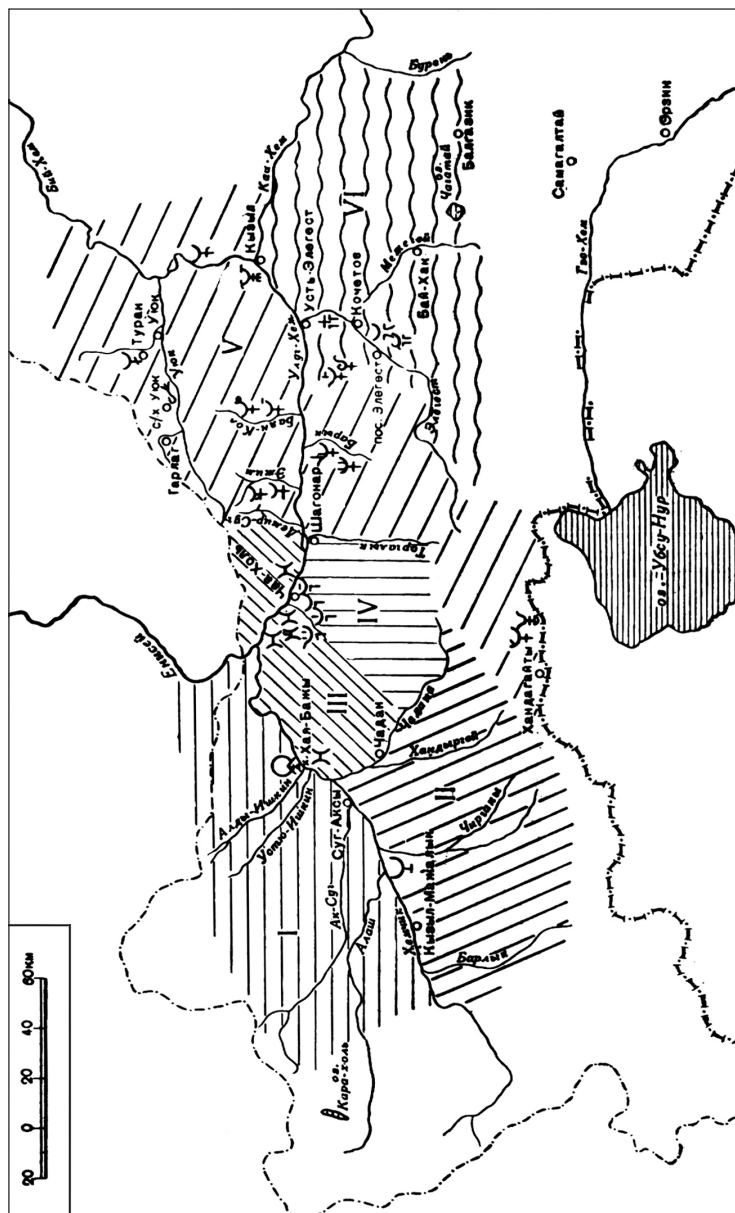

Рис. 2. Карта местонахождения там в Туве (середина IX — середина X в.).
Примерные территории шести багов (по Л.Р. Кызласов 1960)

(рис. 4). Эту тамгу на изданной фотографии, открывшего памятник Г. Й. Рамстедта²⁷, заметил лишь Л. Р. Кызласов. Произошло это уже к марту 1997 г., поскольку тогда нашло отображение в рукописи статьи, изданной в 1999 г. в академическом журнале²⁸. Перед этим в личном рабочем экземпляре ранее вышедшей статьи²⁹ исследователь дополнил изображением тамги Суджинской стелы одно из некогда выстроенных им древ аристократических семей середины IX — конца X в. (рис. 5, 19). С учетом видоизменения фамильных знаков по поколениям там же им была указана и дата создания Суджинской стелы — конец IX в. Эти наблюдения были обнародованы Л. Р. Кызласовым четверть века назад. К сожалению, тюркологи не следят за работой археологов, имеющей прямое отношение к основам историко-культурного понимания памятников рунического письма тюркских народов.

Именно стела «сына Кыргыза» отныне достоверно указывает на принадлежность всей I группы знаков, а, следовательно, и всех

в графических таблицах (Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности... С. 103, 120, рис. 8, 9; он же. О датировке памятников енисейской письменности... Рис. 3, 4; Щербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник. 1970. М.: Вост. лит., 1970. Табл. 1, № 53). Ср., например, (Аманжолов А. С. К истории тюркского рунического алфавита // Қазақ тілі мен әдебиеті. 5-шығыуы. Алматы: КазГУ, 1975. С. 103, Е 53, рис.; он же. История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003. С. 136; Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, Ленингр. отделение. 1983. С. 19, 52, 70; Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. С. 270, 279, 303; он же. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. С. 144, вклейка, Е 53), однако, текст и фото Н. Базылхана (Қазақстан тарихы туралы деректемелері. II том. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 199б, 123ж.).

²⁷ Ramstedt G. J. Zwei uigurische runeninschriften... Вклейка.

²⁸ Кызласов Л. Р. Манихейский храм в котловине Сорга... С. 200. Рукопись 1997 г. хранится в личном архиве исследователя.

²⁹ Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности... Рис. 1.

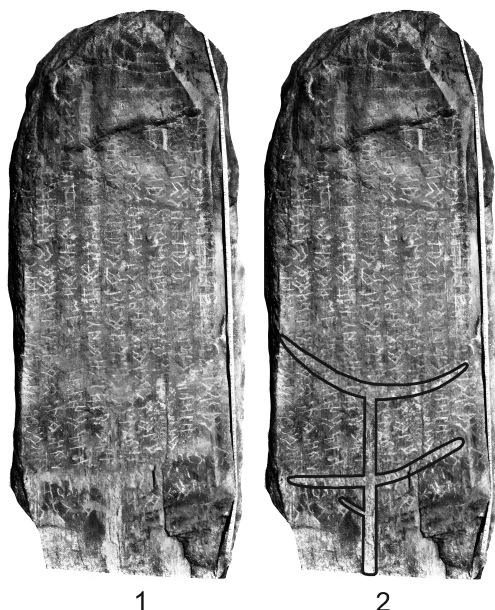

Рис. 4. Стела из Суджи (Е 47). 1 — фото Г.Й. Рамстедта (Ramstedt 1913),
2 — прорисовка тамги (по Л.Р. Кызласову)

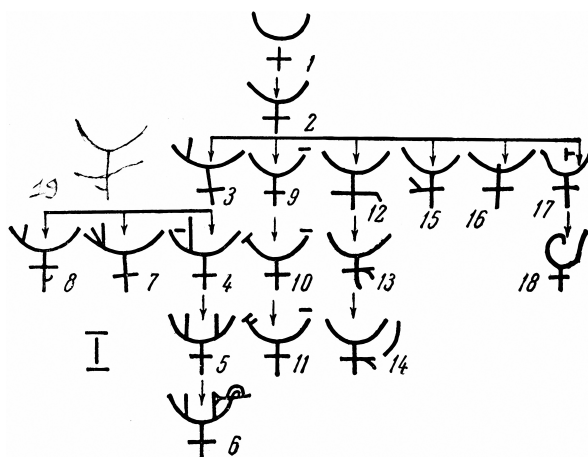

Рис. 5. Тувинская котловина. Таблица тамг I группы, дополненная
Л.Р. Кызласовым знаком Суджинской стелы (№ 19) в домашнем
экземпляре статьи 1965 г. с указанием даты: «конец IX [в.]»

остальных пяти групп «шестиудельной» Тувинской котловины, правящему роду Кыргыз Древнехакасского государства³⁰. Хотя, как мы видели, это важнейшее обстоятельство было правильно понято, исходя из известных историко-политических свидетельств, впервые полученных для Тувы археологических и целено проанализированных эпиграфических данных уже к 1960 г.³¹

Уже при систематизации тамг Верхнего Енисея были показаны их лично-семейные прототипы и аналогии в долинах Среднего Енисея. Происходящими из Хакасии оказались владельцы всех геральдических символов — групп I–VI³². Тогда же по материалам

³⁰ Кызласов И.Л. Порядок создания енисейских эпитафий... С. 275. Рис. 5.

³¹ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности...; он же. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ. Серия IX. История. 1964. № 4.

³² Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности... С. 111–114; рис. 14, 1, 2, 9, 18; рис. 14, 3, 4, 6–8; он же. О датировке памятников енисейской письменности... С. 44, 45, рис. 1, 13, 14, 2, 1, 2, 9, 3, 7, 4, 3. Из сказанного очевидна внеисторичность и потому полная искусственность членения и истолкования эпитафийных тамговых знаков Тувы, предложенные в конце XX в. лингвистом в отрыве и даже в противопоставлении их лично-семейным символам Хакасско-Минусинской котловины (Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования... С. 6, 7, 11–17; он же. Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета, 2004. С. 175, 182; он же. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология... С. 29 и др.). Рунологами часто не учитывается также, что речевые особенности резчика текста, лишь по обрядовому канону написанного от первого лица, не следует отождествлять с языковыми характеристиками самого умершего. Так, палеография девяти надписей Тувы свидетельствует о том, что памятники пришлым из-за Саян правителям были созданы местными грамотеями (Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей... С. 93–98, 117–124; он же. МРИТ–П. С. 76, рис. 1; он же. К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв. // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 199–200), судя по написанному, местной спецификой выделяется и фонетика ряда тувинских рунических памятников (Кызласов И.Л. К выделению автохтонных рунических памятников Тувы... С. 202–204). Отличают их также и собственные тамги, и содержание эпитафий, и правила размещения надписей на стелах

А.В. Адрианова 1904 г.³³ было показано типологическое многообразие тамг Среднего Енисея IX–X вв.³⁴ Позднее вслед за древнехакасскими тамгами Тувы, были систематизированы и картографированы лично-семейные символы IX–X вв. в Хакасско-Минусинской котловине. В ту эпоху земли Среднего Енисея также оказались разделены между шестью наследственными наделами высокородной служилой знати и, согласно тамговым знакам, передавались внутри одной семьи в течение 6–7 поколений³⁵ (рис. 6).

Поиск основателя храмово-монастырского города

Указание Суджинской надписи на выделение древнехакасским вельможей IX в. особого участка местности для создания монастырской обители побуждает выяснить, не предоставлялись ли княжеские земли и под монументальные храмовые комплексы, обнаруженные в Хакасии. Догадку подтверждает аристократический тамговый знак в виде омеги, нанесенный на сырцовый блок большого уйбатского храма (Здание II) во втором строительном ярусе его существования (рис. 7). Судя по аналогии, встреченной в той же степи на парадной «кыргызской вазе» (рис. 8) (Абаканский чаатас, курган 1), эта тамга принадлежит к поздней поре культуры чаатас, т.е. к началу — первой половине IX в.³⁶

(Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей... С. 182, 183, 228, 230, рис. 15, 37; он же. МРИТ–II. С. 68–72, рис. 2–4; он же. К выделению автохтонных рунических памятников Тувы... С. 197–204, рис. 2–5).

³³ Адрианов А.В. Писаницы (Отчеты за 1904 год), 1904. Рукопись // Архив Музея археологии и этнографии Сибири при Томском гос. университете. Инв. № 55. 191 л. Машинописная копия, личный архив Л.Р. Кызласова.

³⁴ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности... Рис. 7, 8.

³⁵ Кызласов И.Л. Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 170–173, рис. 22.

³⁶ Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит.,

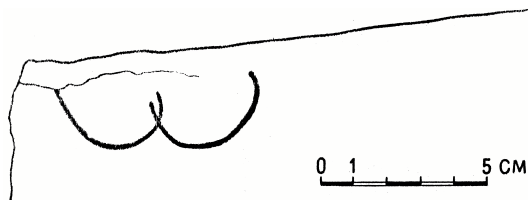

Рис. 7. Уйбатский город. Тамга на сырцовом блоке второго строительного яруса манихейского храма (Объект II, раскопки 1978 г.) (по И. Л. Кызласов 2021)

Длительно существовавший Уйбатский храмово-монастырский комплекс стал градообразующим центром, вслед за сакральной частью вызвавшим появление и регулярной жилой застройки³⁷. Следовательно, далее речь следует вести о статусе земель, на которых возникали имевшие храмы города³⁸.

В середине IX — начале XI в. Уйбатский город располагался в пределах одного из шести наследственных уделов, выделяемых в Хакаско-Минусинской котловине по выработанной для Тувы методике: сплошного фиксирования, группировке и картографированию лично-семейных аристократических тамт (рис. 6, 9, 5). Помимо низовьев Уйбата ему принадлежали земли на обоих берегах среднего течения р. Абакан — от таёжной р. Еси до р. Аскиза и на большей части противоположной Койбальской степи: от р. Уты до самого Енисея (рис. 9, 3, 4, 6–11)³⁹. Фамильный

1990. Табл. 10, рис. 3; Кызласов И. Л. Храмовый городской центр на Уйбате (вторая половина VIII — начало XIII в., Хакасия) // КСИА. 2021. Вып. 265. С. 203, рис. 1, 1, 2.

³⁷ Кызласов И. Л. Возникновение и формирование Уйбатского города (Хакасия). Градообразующая роль храмов VIII — начала XIII вв. // КСИА. 2019. Вып. 256.

³⁸ Исследования Л. Р. Кызласова вывели холмы оваловавшихся храмов в поисковые археологические признаки средневековых городов Хакасии, не имевших укреплений.

³⁹ Кызласов И. Л. Археологические признаки государственного межевания... Рис. 22. Оставляем в стороне знак, далеко оторвавшийся на север и посетительские отметки на общей для древних хакасов святыне — горе Тепсей у переправы через р. Упса (Туба) (рис. 9, 1, 2).

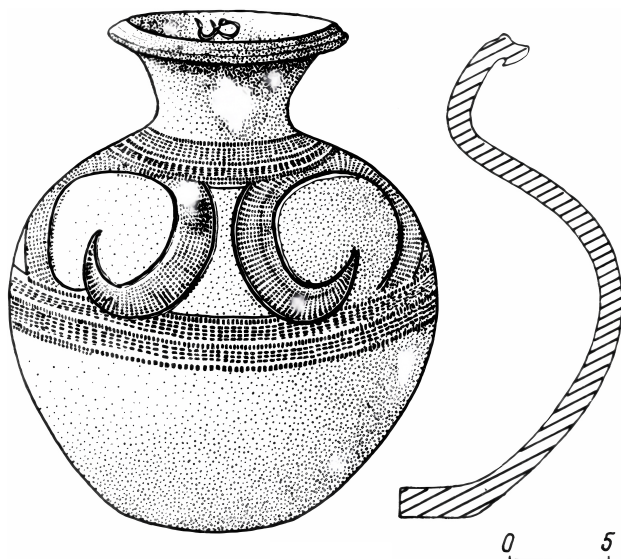

Рис. 8. Абаканский чаатас, курган 1. Тамга на «кыргызской вазе» (раскопки 1974 г.) (по Кызласов, Король 1990)

герб, отличавший это владение, имел вид окружности, прерванной вторгающимся снизу углом. Кроме Хакасии, после захвата Тувы в 840 г. он был также отмечен там как знак одного из шести багов (тамги группы II)⁴⁰. Обладатели этого, изменявшегося по поколениям семейного символа занимали высокое положение. В двух сохранившихся эпитафиях Хакасии — Означенная I (Е 25) и Абаканский памятник (Е 48) — оба умерших носили титул правителя-тутука ($\uparrow \wedge \succ \wedge / \downarrow \wedge \succ \wedge \text{tutuq}$)⁴¹, а на почитавшейся тувинской скале на р. Хемчик внутри самой такой тамги указан

⁴⁰ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности... С. 111, 112, рис. 8, 1–6, 16, I; он же. О датировке памятников енисейской письменности... Рис. 2.

⁴¹ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков... С. 45–47, 93–96, рис. 8; Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования... С. 33–40, 44–60; он же. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология... С. 114, 115, 138–140. Две подчеркнутых буквы передают один рунический знак оригинала.

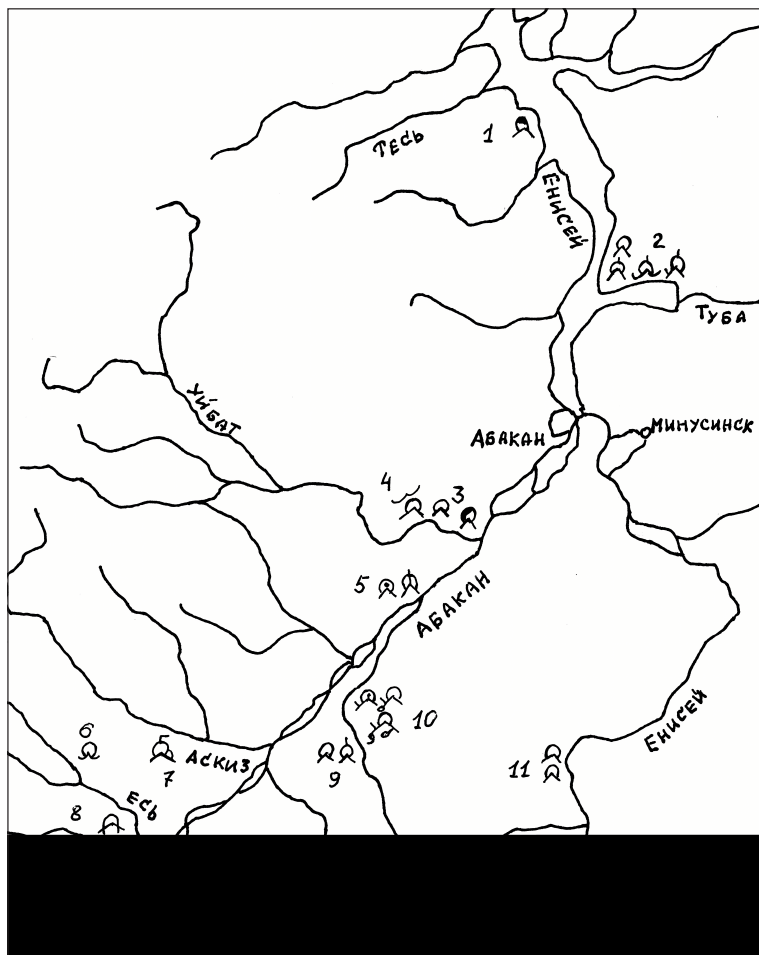

Рис. 9. Хакасско-Минусинская котловина. Карта местонахождения тамг IX–X в. Территория эля, в землях которого стоял храмовый Уйбатский город (пункт 3). 1– Абаканская писаница близ пос. Абакано-Перевоз; 2 – гора Тепсей; 3 – Абаканский памятник (Е 48); курган близ пос. Оросительный; 4 – курган к юго-востоку от пос. Оросительный; 5 – курганы близ пос. Тутатчикова и Абаканского чаатаса; 6 – скала Кёк-хая; 7 – скала Хара-хая; 8 – курган на р. Есь; 9 – курганы на р. Уты близ пос. Койбалы; 10 – Куйбышевский чаатас; 11 – стелы Означенная I (Е25) и II (Е 104)

вательно, порядок подчиненности в древнехакасском обществе был трёхчленным: каждый князь служил тому, кто был выше его (своему хану), и управлял теми, кто был ниже его (своим элем)⁴³. Таким образом, понятие *эль* обозначало княжеские владения: земли и живших на них подданных⁴⁴.

В енисейских эпитафиях также названы официальные представители эля как единого государства, управлявшие территориальными группами удельных княжеств. Ими были тутуки. Так, в отношении Тувинской котловины, в IX в., как уже сказано, разделенной между князьями-Кыргызами на шесть наследственных владений-багов, на надгробной стеле Уюк-Тарлаг (Е 1, стк. 1) о титулованном аристократе Эль Тоган-тутуке ↑△>△:JYK>△YX сказано и как о представителе (*эльчи*) Древнехакасского эля в общедержавном значении слова, и как о князе-правителе всего шестиудельного народа Тувинской котловины:

△H:JZZ>JYKJ:↑△↓:⇒Hγ:↑↑△YX:△Y:⇒YX:↑YγH
⇒Hγ: ↑△X

tāŋri elimkă elčisi ertim, altı bay bodunqa begi ertim — «Я был представителем у моего божественного эля, я был князем у шести-составного народа»⁴⁵ (с открытием порядка эпитафийного ру-

⁴³ В этом владения-эли князей-Кыргызов, наделяемые высшей властью, были подобны уделам князей-Рюрюковичей Древней Руси раннего, лестничного периода ее истории, предшествовавшего династийной раздробленности (Горский А. А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. С. 355–356).

⁴⁴ Постижение термина *эль* имеет значительную историографию. Первичное его значение несут именно енисейские эпитафии. Согласно им, элем именовалась каждая иерархическая ступень княжеского землепользования: от удельного владения вассального бега до высшего сюзеренного владения кагана. Общегосударственный смысл слова преимущественно отражают орхонские эпитафии. Обозначение *баг* ныне отмечено только в отношении Тувинской котловины, присоединенной к Древнехакасскому государству.

⁴⁵ Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности... С. 117; Кызласов И. Л. МРИТ–III. С. 72, рис. 5.

нического письма от нижней строки к верхней, по восходящей лесенке, прочтение текста как стк. 2 устарело)⁴⁶.

В это время императоры Китая пишут правителям Древнехакасского государства (наши переводчики называют их *каганами* или *ханами*) об их единоличном управлении «всеми вассалами» и «вносящими подати ясашными». Тем самым, письменные источники указывают на существование частного и государственного землепользования, позволяя увидеть, что «в государственные земли входили кроме пашен и пастбищ правящего рода все горно-таежное пространство, а также захваченные и присоединенные земли»⁴⁷. Именно это обстоятельство проникновения в таежные долины отражает, в частности, западный и юго-западный участки составленной ныне карты размещения владельческих тамговых знаков Хакасско-Минусинской котловины (рис. 6).

Однако выделить из известного енисейского эпитафийного собрания памятник верховному правителю Древнехакасского государства и установить соответствующий ему тип тамговых лично-семейных знаков ныне невозможно. Нет сомнения, что князьям-Кыргызам были хорошо знакомы величественные орхонские монументы, создаваемые каганам рода Ашина у народа тюрков и каганам рода Яглакар у древних уйгуров. На стеле Кюль-тегина прямо сказано об участии в поминальных церемониях посольства, пришедшего от Кыргызов⁴⁸. Разгромив Уйгурский каганат и захватив земли Монголии, князья-Кыргызы не только видели, но и посещали мемориалы былой родовой знати как тюрков, так и уйгуров: сословное единство аристократии осознавалось, несмотря на принадлежность к разным государствам. В знак таких визитов на изваяниях и плитах остались знакомые

⁴⁶ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков... С. 11–12; Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования... С. 160–161; он же. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология... С. 91.

⁴⁷ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века... С. 121–124; он же. История Южной Сибири в средние века... С. 124.

⁴⁸ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности... КТб, 4.

нам древнехакасские тамги IX–X вв. Такая кыргызская тамга, рядом со вторично выбитой уйгурской, была, например, нанесена на главном балбале мемориала Бильге-кагана (рис. 12, ср. рис. 5, 5, 6), представители четырех разных семейств князей-Кыргызов отметились своими тамгами и краткой надписью (e)г на плите мемориала Шивет-Улан (рис. 13, 14)⁴⁹.

До наших дней на землях современной Монголии сохранилось 11 мемориалов высших тюркских и уйгурских аристократов с описаниями их деяний орхонскими рунами. В пределах Древнехакаского государства наука ныне знает уже 90 эпитафий енисейского рунического письма VIII–XI/XII вв. В Южной Сибири памятную стелу ставили не отдельным выдающимся деятелям, как на Орхоне, а едва ли не каждому представителю правящего рода Кыргыз. Но ничего подобного поминальным надписям тюркских или уйгурских владык не было создано в честь Кыргыз-кагана.

Эту бросающуюся в глаза особенность енисейской эпитафийной традиции можно, пожалуй, объяснить лишь отличиями в официальной обрядовой философии⁵⁰. В Тюркском каганате,

⁴⁹ Кызласов И.Л. Почитание военной аристократии в раннем средневековье: свидетельства последующего посещения тюркских мемориалов // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V Международного конгресса археологии евразийских степей. В 5-ти т. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2022. Т. 3; он же. Вторичное использование тюркских аристократических мемориалов. Археологические заметки на полях орхонского атласа, изданного в Казахстане // *Turkic Studies Journal*. 2022. № 3. Рис. 12 воспроизведен мною по: Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас орхонских памятников. Астана: Күлтегін, 2006; рис. 13 — по: Самашев З., Цвезэндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А. Древнетюркский культово-поминальный комплекс Шивэет Улаан. Астана: ФИА, 2016.

⁵⁰ Здесь не удастся обсудить, но надо поставить этот важный для осознания вопрос политической культуры эпохи. Говорит ли подмеченное своеобразие о том, что в местном общественном сознании древнехакасский верховный правитель находился в едином ряду с остальными бегами ( ) рунических надписей — с прочими князьями-Кыргызами? Внутри страны он не назывался каганом, а носил древний среднеенисей-

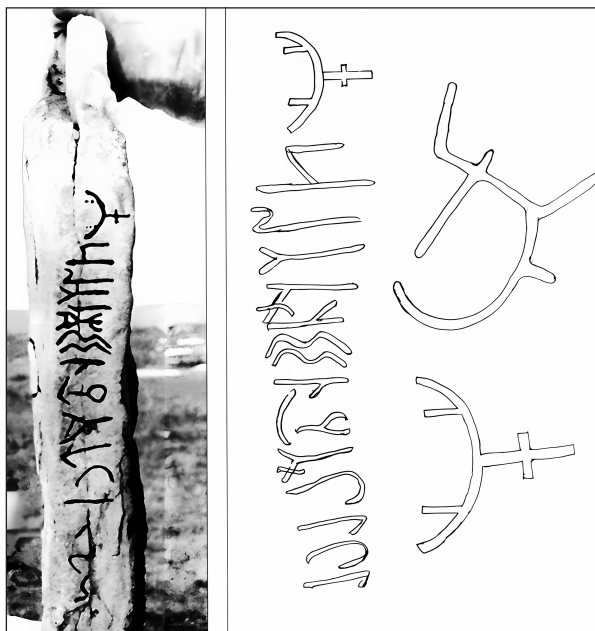

Рис. 12. Монголия. Мемориал Бильге-кагана, 735 г. Надпись на главном балбале (руны уйгурского времени) и древнехакасская тамга I типа середины X в. Тонированное фото и прорисовка (по Жолдасбеков, Сарткожаулы 2006)

начав писать памятные камнеписные тексты на канцелярском согдийском языке, их располагали прямо на исконных, с VI в. создаваемых портретных поминальных изваяниях (Малый Хо-

ский титул *ажо*. Вероятно, восходя еще к динлинскому наследию (прослеженному как в погребальных обычаях, так и в характерной лексике) это звание неслучайно сохранялось до начала XVIII в., эпохи вхождения «Киргизской земли» в состав России. До этого времени, согласно русским источникам, верховный правитель («лучший князь») избирался на съездах кыргызской аристократии. (Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках... С. 88, 91–92; он же. История Южной Сибири в средние века... С. 15–17, 25, 53–62; он же. О присоединении Хакасии к России / Труды Хакасской археологической экспедиции. 3: Страницы истории и современность. Вып. 2. Абакан; М.: Изд-во Хакасского гос. университета, 1996. С. 4, 28, 30, 44–46).

Рис. 13. Монголия. Мемориал Шивет-Улан. Плита с одновременными тамгами посетителей

(по Самашев и др. 2016)

Рис. 14. Монголия. Мемориал Шивет-Улан. Посетительские древнехакасские тамги IX–X вв. и краткая енисейская надпись (er) на плите. Выделены автором

(по И. Л. Кызласов 2022)

нахай (Чжаосу), Восточный Туркестан⁵¹). Однако, вскоре военно-политическая знать не пожелала уступать имперской культуре Китая. Так появились эпитафийные стелы тюркских мемориалов, внешне подобные китайским, но поначалу, в конце VI в., по-преж-

⁵¹ Takashi Osawa. Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians — Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // Ēran ud Anērān. Studies presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday. Venice, 2006: <http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/osawa.html> (дата обращения 20.02.2025).

нему начертанные на согдийском языке и согдийским письмом (Бугут, Монголия)⁵², а с первой трети VIII в. — уже по-тюркски орхонскими рунами. Эта традиция, дополненная хвалебными прижизненными каганскими монументами (стела Моюн-чура/Боян-чора), вместе с младшим орхонским письмом была сохранена Уйгурским каганатом до 40-х гг. IX в.

Исчезновение орхонских эпитафий в Монголии объясняется гибелью создававших их государств — в 745 г. Второго Восточнотюркского и в 840 г. Уйгурского каганатов. Иной была природа у бычая возведения енисейских надгробных текстов, бытовавшего более четырех столетий и завершившегося лишь на рубеже XI и XII вв., в период полноценного расцвета Древнехакасского государства. В енисейских эпитафиях, глубоко архаичных как по форме, так и по содержанию, удалось выделить тексты, имевшие явные признаки нового вероучения, и словесные формулы, присущие манихейской религии. Само появление камнеписных стел на Енисее, несомненно, связано с распространением манихейской письменной культуры и грамотности⁵³. Согласно археологическим памятникам, Древнехакасское государство пережило два этапа развития манихейской религии. Став официальным вероисповеданием, оно постоянно укреплялось в общественном сознании. С середины IX по начало XI в. ее идеологическое воздействие изменило погребальную обрядность и привело к распространению молитвенных рунических надписей на скалах. К рубежу XI и XII вв. именно манихейская идеология привела к исчезновению древнехакасских эпитафий⁵⁴.

Их горестные строки об утраченной жизни явно противоречили новому религиозному убеждению, согласно которо-

⁵² Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии / Отв. ред. А. Фейзулаев, ред. колл. Самарканд: МИЦАИ, 2022. С. 36–40.

⁵³ Кызласов И.Л. Религиозная природа енисейской письменности. I // РТ. 2013. № 2. С. 84–87.

⁵⁴ Кызласов Л.Р. Манихейское мировоззрение и раннесредневековые археологические памятники // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 250.

му душа умершего устремлялась в царство Истины и Света, в то время как живущие оставались в мире смешения Добра и Зла, Греха и Скверны. Помимо известных доктринальных сочинений манихейства, именно так характеризуют земной мир енисейские наскальные надписи Кёк-Хая (Хакасия), Мендур-Соккон III и Чарыш II (Горный Алтай). Возможно ли было оплакивать души умерших, когда того заслуживали лишь души живых?

Таким образом, енисейское тамговедение не позволяет напрямую установить, в чьих земельных владениях возник и веками существовал Уйбатский храмовый центр. Однако, исходя из всего сказанного, можно полагать, что манихейские монастыри и храмы, как и образующиеся затем вокруг некоторых из них поселки и города, сооружались в соответствии с их различающимся статусом: одни — в княжеских, а другие — в ханских (государственных) владениях. Хотя и те, и другие владения именовались общим понятием *эль*, но они отличались по реальному общественному положению. Употребленная в Суджинской надписи глагольная форма »И [Υ] b(e)[r]t(i)m — «я даровал», свидетельствует о том, что земли под монашеские прибежища на княжеском уровне отводились безвозмездно, поступая в монастырскую собственность. Вероятно, на тех же условиях выделялись и ханские земли. На стеле из Суджи монастырь назван 𐰽𐰺 𐰽𐰾 𐰽𐰿 𐰽𐰺 𐰽𐰾 turuγ, в наскальной надписи на р. Кара-Коле — 𐰽 eb/ev⁵⁵.

Условия предоставления земель для монастырских обитателей и храмов, обнаруженные благодаря сопоставлению эпиграфических и археологических данных, являются очередным свидетельством официального, государственного статуса манихейской религии в Древнехакасской державе. Тем самым, манихейская идеология и церковная организация с VIII в. не могла не играть роли в развитии государственности в стране, охватившей огромные пределы Южной Сибири и Центральной Азии на долгие

⁵⁵ Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае... С. 112–115.

4,5 столетия. В частности храмовые и монастырские центры, несомненно, были центрами консолидации не только местного населения, но миссионеров и паломников из дальних районов страны и ее зарубежья.

Список сокращений

ВМУ — Вестник Московского университета
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН
РА — Российская археология
РТ — Российская тюркология
СА — Советская археология

I. L. Kyzlasov

Institute of Archaeology

of the Russian Academy of Sciences

Allocation of Lands for Manichaeian Monasteries and Temples (New Reading of Line 7 of the Sudzhin Stele)

Summary. Every written language was born within a religion and was preserved by a trained priesthood, i.e. there were schools. It is unknown which religion originally possessed the runic script, but obviously such an ancient religion existed. The faith that gave the Orkhon script to the 2nd Turkic and Uyghur Khaganates of the 8th c. is unknown. But on the Yenisei, Manichaeism used local Yenisei runes, and they combined the written culture of the town temples with the epigraphy of mountain cults. That interaction gave the northern, Siberian-Turkic Manichaeism, which spread widely from the Yenisei banks. In the 9th-10th cc. the Yenisei runes formed two zones in the Southern Siberia and Central Asia. One was on the Middle and the Upper Yenisei, the other — in Altai and Mongolia, and they revealed two large educational centers. Apparently, one was in the Uybatsky temple-monastery town discovered by archaeologists in Khakassia, the second operated in Northwestern Mongolia. The missionaries spread the Yeniseian literacy from those «runic universities». In the epitaph from Sudzha (E47) the

religious teacher is called by the Manichaeen term *mar*, confirming the existence of Manichaeism itself and its state status of the official foundation of a monastery for 100 people. In the second half of the 1950^s, the combination of types of tamgas on the Yeniseian epitaphs from Tuva showed their variability in generations and personal-family affiliation. Six family fiefdoms were distinguished, which were in the power of six or seven generations of direct descendants. The prototypes of the tamgas came from Khakassia. The layout of the local personal and family tamgas of the 9th-10th cc. also showed six hereditary fiefdoms. The Uibat town was one of them, lying from the taiga to the Yenisei. But steles similar to those of the Turkic and Uyghur rulers were not created in honor of the Kyrgyz Khagan. The Yenisei tamgas do not allow us to establish in whose lands the Uibat temple center arose and existed in during the period of four-five centuries. However, the Manichaeen monasteries and temples, the settlements and towns that were around them, differed in status. Although the princely and state possessions were called by the common word *el*, their status was different. The inscription from Sudzha says that the lands for the monasteries were allocated free of charge.